

Отзыв на книгу "50 лет Лаборатории"

Н.Н. Алешина

Дорогой Юрий Александрович, общее впечатление от сборника воспоминаний очень приятное – люди с большой теплотой и искренностью, с живым чувством вспоминают о годах работы в Лаборатории под руководством великолепного, выдающегося человека и ученого Николая Константиновича Кочеткова. Насколько дано понять, его уникальность как ученого состояла не только в мощи его интеллекта в целом, в особой прозорливости, умении предугадать развитие химии в целом (видимо!), но и в особой смелости, способности вовремя перейти в новую, неизведанную область химической науки. Сам он называет три таких переломных «перехода». Можно понять, чего стоило ему каждый раз решение изменить направление поиска, а также сопутствующие этому колоссальные трудности, как организационные, так и кадровые + специфические особенности нашей бюрократии, государства, психологии начальствующих людей, в том числе и некоторых его коллег.

Многое мы, конечно, не знаем, можем только догадываться, но и то, что пишет сам Н.К. (и в книге 2006 г.), и его сотрудники и сподвижники, дает представление о невероятно сложной организационной работе, и о человеческих отношениях как внутри Лаборатории, так и вне её. Можно представить, как человеку, который фактически все сделал для создания ИХПС, работалось с Шемякиным в атмосфере постоянного недоброжелательства, придирок, несправедливости. Об этом говорится почти во всех воспоминаниях о начальном этапе работы Лаборатории наряду с описанием прекрасной научной и человеческой атмосферы, созданной Н.К. и его молодыми сотрудниками, замечательным чутьем её руководителя на талантливую молодежь, его организационном таланте и особым даром интуиции настоящего ученого.

В этой связи очень понравились воспоминания Будовского и Симуковой, Книреля, Дерябина и Чернецкого (здесь – особенно о судьбе Дашунина и отношении к нему Н.К. – хотелось бы знать, кто тот стукач и, соответственно, потом, академик?). Вспоминается «Понедельник начинается в субботу» и другие книги Стругацких. Демченко – по-человечески хорошие воспоминания, относящиеся к позднему периоду работы Лаборатории. И близок Бирмингем – видимо, как раз в те годы наша дочь работала там в университете, затем уехала с мужем в Ноттингем.

Мне кажется, Ю.А., что Ваши воспоминания наиболее точны и объективны. Они доброжелательны по духу, но в них отмечается и то, что связано с определенным кризисом человеческих отношений и вытекающим из него, а также, думается, из общего состояния науки, ее организации на государственном уровне, особенно в 80-е гг., кризисом научных исследований в Лаборатории,

Особой апологетики я как-то не заметила, так как, конечно, люди вспоминают в основном хорошее и в своей научной жизни в Лаборатории, и в

личности своего любимого Шефа, хотя и не лишенного (очень даже не лишенного) человеческих недостатков. Отмечается необыкновенный шарм (харизма), обаяние личности и ученого, сила и энергия, напор, стремительность, забота (несомненная) о сотрудниках, и масса примеров это подтверждающих (воспоминания Васьковского, Бочкова, Грачева, Турчинского, Дёмушкина, Чирвы, Свердлова).

Особенно хочется выделить воспоминания Видершайна (очень выразительное сравнение Н.К. с тигром, бьющим себя хвостом по бокам, – еще бы не бить!) и Дерябина (тоже очень большое впечатление производит сравнение с королем Артуром и рыцарями Круглого стола, и как этого короля Артура подвергали 4 раза (!) унижению, выселяя из его же кабинета на выборах и прокатывая каждый раз). Такие унижения и оскорбления не забываются никогда, и, главное, они наносят личности даже такого сильного и уверенного в своей научной правоте и своих возможностях человека, как Н.К., непоправимый ущерб на всю его оставшуюся жизнь. Это не могло не привести к изменениям и в самом человеке, и в жизни и работе его сотрудников и коллег. Не правда ли? Мне его безумно жалко.

В других условиях существования, в другой стране это был бы ученый, который сделал бы для своей любимой химии во много раз больше с наименьшими для себя потерями (потери, конечно, всегда есть, и нравственные, и психологические – жизнь в науке трудна и очень напряжена). Он и был выдающимся ученым, но существовал в таких условиях, где, конечно, очень много времени и сил уходило на так называемую борьбу. К этому, видимо, надо прибавить и особенности натуры Н.К. – сила, неизбежно ведущая в наших условиях к деспотическим, диктаторским чертам, огромная загруженность, в том числе не относящимися к науке видами деятельности, – к особому стилю руководства, что, несомненно, чувствуется в более поздние годы. Конечно, это печально, как вообще печальны и трагичны все эти прошедшие десятилетия. Время было ужасное. Особенно если брать не только чистую науку и увлеченность исследователей, а окружающую действительность. Но представить себе ученого, энтузиаста, облеченного тяжелой административной властью, и психологические последствия его общения с нашими высшими властями – и можно понять, какая деструкция начинается неизбежно даже у самого прекрасного человека.

Почти во всех воспоминаниях что-то обо всем этом есть, в том числе, конечно и в Ваших воспоминаниях, Ю.А., и в воспоминаниях самого Н.К. (как в этом сборнике, так и в сборнике 2006 г.). Вообще поражает действительно трагический переход от 1957 г., когда мы его знали (мало знали, но ведь почувствовали и масштаб личности, и всю необычность этого человека, «свободу и творчество», которые его окружали как своеобразная аура, чувство юмора, иронию – а это великие составляющие каждого выдающегося человека), к 70-80-м годам. Старости как таковой ведь еще не было – 55-65 лет – не старость для ученого, но, как можно понять, это было уже начало глубокого кризиса. И вина тут, конечно, в той общей среде, где вы все (и мы) существовали. Когда читаешь (Оводов, кажется) о читателях «Советской России», «Нашего современника», читателях,

солидарных с писаниями С. Кара-Мурзы, да и сам Н.К. довольно доброжелательно о нем пишет, то уж совсем становится не по себе. Ибо и эти читатели, и эти издания – олицетворение того безумия, что царило у нас.

90-е годы – результат всего предшествующего развития под водительством партии и советского государства, а не чья-то злая личная воля. Именно к такому результату (конец 80-х – начало 90-х годов) вела вся предшествующая политика с октября 1917 г. Дальше можно было бы прыгать в пропасть. И прыгнули бы. Поэтому случившееся в 1991 году популярный публицист Лацис определил точно: «мы потерпели победу». Именно поэтому даже умнейшие люди (а ум – многозначное понятие, можно быть умным, умнейшим в науке, но в экономике или, например, в житейских и политических проблемах не разбираться) практически массово не поняли (речь идет в основном о среднем и старшем поколениях), что происходило со страной на протяжении десятилетий и почему так все случилось на рубеже 80-90-х годов. Это непонимание, тем не менее, поражает – ведь эти люди жили в те времена, они сталкивались со всеми гадостями и безобразиями режима.

Армия и война для Н.К. Да и до этого (кстати, очень хорошая и толковая статья на английском языке – спасибо Вам и дочери Н.К.). И после войны, и вся эта непрерывная, надо думать, борьба за то, чтобы быть самим собой. Личная жизнь при этом могла быть и счастливой (вспоминается «Подстрочник», где Лунгина сама удивляется, как в таких мрачных условиях они с мужем и друзьями так весело и счастливо жили – личный мир). И «личная жизнь» Лаборатории тоже складывалась долгое время счастливо, но потом неизбежно начались неприятные вещи, это все же не замкнутая настоящая личная жизнь (да и на ту всегда внешние условия очень даже действуют). И пусть Н.К., как Вы говорили, вписался в эту советскую действительность и умел использовать ее рычаги. Но это само по себе трагично.

Мы посмотрели и фильм. Очень трогательно. Но и очень грустно. Совсем другой человек. Вы, Ю.А., его как раз в эти годы хорошо знали и Вам, наверное, не так бросается в глаза разница возрастных периодов, что ли. А мы даже в печатном тексте видим, что пишет не только очень старый человек, но человек, переживший очень трудные периоды жизни. Но все равно это прекрасно, что мы хотя бы прикоснулись к этому человеку. Многое хотелось бы узнать... И значительные вещи, и мелочи.

Конечно, человеческая жизнь – это целый мир. Но, вот, сразу по фотографии меня поразил этот трагизм в глазах Н.К. Неосознанный. А иногда и осознанный. Тигр и Боксер – сравнения очень точные. А человек был, видимо, изначально рожден и воспитан для творчества, радости, для великих открытий. Был добрым и умным. И сильным.

Наталья Николаевна
11 июля 2010 г.